

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ЗАРУБИНЕЦКАЯ КУЛЬТУРА И ПОДНЕПРОВСКИЕ СЛАВЯНЕ

1

Мысль о зарубинецких племенах как раннеславянской группировке, высказанная впервые В. В. Хвойкой в последние годы прошлого века, долгое время оставалась серьезно не аргументированной. По моему мнению, лишь в последнее десятилетие, после выявления неизвестных ранее многочисленных данных по археологии Поднепровья I тысячелетия н. э., эта мысль приобрела более прочное основание. Вместе с тем, появились и новые точки зрения на зарубинецкие племена и их культуру, и ...дискуссия продолжается.

В. В. Хвойка, как известно, предполагал, что в Среднем Поднепровье славянские племена обитали начиная с глубокой древности. Прямом потомком зарубинецких племен рубежа и начала нашей эры, по его мнению, было черняховское население второй четверти I тысячелетия н. э., послужившее в свою очередь непосредственным предком поднепровских средневековых славян. Мнению В. В. Хвойки противостояли тогда соображения некоторых немецких археологов, полагавших, что зарубинецкие и черняховские древности принадлежали древним германцам, как и все другие европейские древности типа «полей погребальных урн». Эта точка зрения, не оставлявшая для древних славян места не только в Поднепровье, но и повсюду в Средней Европе, как известно, основывалась не столько на каких-либо определенных фактических данных, сколько на примитивных националистических концепциях того времени.

Но и генетические построения В. В. Хвойки, которые первоначально поддержал А. А. Спицын, оказались несостоятельными и не выдержали проверки временем. Выяснилось, что зарубинецкая, черняховская и средневековая русская культуры отнюдь не были звеньями единой генетической цепи. В отношении зарубинецкой и черняховской культур это стало очевидным еще на исходе 20-х годов, когда А. А. Спицын исключил зарубинецкие древности из раннеславянской проблематики, связал их со скифским миром и решительно отделил от древностей черняховской культуры. Последнюю А. А. Спицын продолжал рассматривать тогда в качестве славянской. По его мнению, широкое распространение черняховских памятников от поречья Днестра на западе и до Северского Донца на востоке исключало мысль о принадлежности их готам или каким-либо другим германским племенам. «Естественнее всего предполагать, — писал он, — что это были славяне»¹.

Представления о прямых генетических связях черняховского населения и средневековых славян продолжали фигурировать в трудах по археологии и в последующее время, а отдельные защитники этих представлений имеются и сейчас. Однако позиция их с каждым годом становится все более и более шаткой. Сокрушительный удар по этим представлениям был нанесен в 50-х годах, когда в Поднепровье и по его широкой периферии обнаружилось многочисленное, неизвестное раньше, славянские древности третьей четверти I тысячелетия н. э., непосредственно пред-

¹ А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 53—70.

шествующие древнерусским и очень близкие синхронным славянским древностям Средней Европы. Древности эти существенно, коренным образом, отличаются от черняховских; в них обнаруживаются совсем иные культурные традиции. Это было отмечено многими исследователями. Об этом и мне уже неоднократно приходилось писать, и здесь нет необходимости повторяться².

После того, как генетическое построение В. В. Хвойки обнаружило свою несостоятельность, вопрос об отношении зарубинецких племен к восточным славянам казался бы повис в воздухе. Стало представляться, что культуру зарубинецких племен и славянскую средневековую культуру ничто не может соединять; между той и другой зияет широкий хронологический разрыв, занятый черняховскими древностями, генетически не связанными ни с более ранней зарубинецкой, ни с последующей восточнославянской культурами. Некоторых археологов все это выбило из колеи и настроило на агностический лад. «Группа племен, которым принадлежала собственно зарубинецкая культура, исчезла еще в древности как исчезли, например, многие древние языковые диалекты, и отождествлять ее с какими-либо конкретными из исторически известных нам на этой территории в более позднее время племенами и народами невозможно», — писал в 1964 г. Ю. В. Кухаренко, долгое время занимавшийся зарубинецкими древностями и некогда сочувствовавший «славянской точке зрения». Теперь его позиция по сути дела сомкнулась с взглядами тех исследователей, в частности И. И. Ляпушкина и В. В. Седова, которые считают, что древние славяне не были обитателями Поднепровья, что они появились здесь лишь накануне средневековья. В своей капитальной работе, посвященной археологическим памятникам днепровского Левобережья и имеющей подзаголовок «Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами», И. И. Ляпушкин, упомянув о зарубинецких древностях, исключил их из славянской тематики. По его мнению, мысль о зарубинецком населении как о раннеславянской группировке «находится в прямом противоречии со многими основными положениями славянской археологии»³.

Тем не менее, несмотря на все это, мысль о зарубинецкой культуре как культуре раннеславянской отнюдь не заглохла. Она стала прокладывать новые пути, идущие в обход черняховского «звена». Этому способствовали новые открытия, широким потоком хлынувшие в 50—60-х годах в археологический арсенал Поднепровья.

Прежде всего, это были уже упомянутые выше среднеднепровские славянские памятники — места поселений и могильники третьей четверти I тысячелетия н. э. До их выявления древнейшими бесспорными остатками славянской культуры в Поднепровье являлись роменские городища Левобережья. Не так давно они рассматривались в качестве эталона древней восточнославянской культуры — предшественницы культуры Руси киевского периода. В связи с этим их пытались датировать не только последней, но также и третьей четвертью I тысячелетия, антским временем. Большой заслугой И. И. Ляпушкина было то, что он убедительно показал ошибочность такой хронологии. В настоящее время является бесспорным, что роменская культура относится к исходу I тысячелетия, к IX—X вв., может быть к концу VIII в., но никак не раньше. И она представляет собой не столько предшественницу культуры Древней Руси, сколько ее современницу — культуру восточных древнерусских областей IX—X вв.

² П. Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. Доклады на IV международном съезде славистов. М., 1958, стр. 27—35; е го же. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 200—202, 223, 224, 242—248.

³ Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура. САИ, Д1-19, 1964, стр. 5; И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1961, стр. 358.

Она пришла на смену хотя и очень близкой ей, но все же несколько иной, более древней культуре, теперь хорошо известной как во многих областях между Днестром и Средним Днепром, так и в Левобережье — на Десне и Сейме, в верховьях Сулы и Псла.

И любопытно, что исследователи этой культуры, начиная с первых шагов ее изучения, стали находить в ней зарубинецкие реминисценции, особенно в керамике и погребальной обрядности. До своей «измены» славянской точке зрения на зарубинецкую культуру (в 1955 г.) на это указывал Ю. В. Кухаренко, заново открывший тогда в материалах С. С. Гамченко раннеславянскую «культуру Корчак». Об этом же писал В. Н. Даниленко, первым высказавший предположение, что к северу от черняховского ареала имеются области, где зарубинецкая культура непосредственно «перерастает» в восточнославянскую культуру третьей четверти I тысячелетия. Когда П. И. Хавлюком были обнаружены раннеславянские поселения в среднем и верхнем течении Южного Буга, он также обратил внимание на зарубинецкие черты в керамике наиболее древней группы поселений⁴. Но всех исследователей естественно смущал большой хронологический разрыв между известными тогда зарубинецкими и раннеславянскими древностями — разрыв протяженностью в половину тысячелетия.

Но вскоре оказалось, что этот разрыв имеет тенденцию сужаться за счет позднезарубинецких древностей, впервые обнаруженных в 50-х годах, а в настоящее время исследованных уже во многих пунктах.

Выше была упомянута книга о зарубинецкой культуре, автором которой является Ю. В. Кухаренко. К сожалению, в 1964 г., когда эта книга вышла из печати, она представляла собой не более чем анахронизм, отражающий состояние науки в начале 50-х годов или даже несколько раньше. Ю. В. Кухаренко в своей книге прошел мимо новых материалов, свидетельствующих о наличии зарубинецких древностей в верхнем течении Южного Буга. Ему остались не известными позднезарубинецкие древности, открытые и исследованные украинскими археологами в Киевском Поднепровье, такие как Казаровичи, Лютеж (где были произведены большие раскопки), Грини, селища по р. Трубежу и др. Если бы Ю. В. Кухаренко рассмотрел эти древности, он не исключил бы из рамок зарубинецкой культуры и многочисленные поселения первых веков нашей эры, известные в бассейне р. Десны, материалы которых ничем не отличаются от находок, сделанных на поселениях поречья р. Трубежа⁵. Все эти новые материалы свидетельствуют о том, что в течение первых веков нашей эры ареал зарубинецких племен значительно сдвинулся в северо-восточном направлении. Ими были заняты области, принадлежавшие ранее племенам совсем с другой культурой — милоградским, в этническом отношении неясным, и юхновским, относящимся, как можно предполагать, к балтийской группе.

Середина I тысячелетия — время «великого переселения народов» при крушении Римской империи — ознаменовалась, как известно, большими изменениями в жизни и культуре племен Европы. Зарубинецкое население, жившее теперь в областях, далеких от беспокойного юга, было затронуту этими процессами лишь в слабой степени. Их культура, к счастью для археологов, эволюционировала более или менее плавно, долго сохраняя свои традиции. В южных частях Верхнего Поднепровья и в поречье Десны, занятых в начале I тысячелетия зарубинецким населением,

⁴ Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX вв. на территории Припятского Полесья. КСИИМК, 57, 1955, стр. 37, 38; В. Н. Даниленко. Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра. КСИА, 4, 1955, стр. 27—29; П. А. Хавлюк. Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья. СА, 1961, 3, стр. 200.

⁵ Материалы позднезарубинецких поселений Среднего Поднепровья и Подесенья паходятся в печати (в серии МИА).

имеются места поселений и могильники не только позднезарубинецкие, но и еще более поздние — второй четверти и середины I тысячелетия — Обидня, Жуковка, Белокаменка, Посудичи, — материалы которых связывают позднезарубинецкую культуру со славянской раннесредневековой культурой поднепровского варианта (с реберчатой биконической керамикой), распространенной как в Верхнем, так и в Среднем Поднепровье.

Одним из главных результатов археологических исследований, произведенных мной в последнее время в Верхнем Поднепровье, я считаю расчленение древностей середины и третьей четверти I тысячелетия на славянские, принадлежавшие потомкам зарубинецких племен, и восточнобалтийские. Я указывал также, что это членение можно произвести далеко не всегда; во многих случаях нельзя сказать, кому принадлежал памятник — славянам или балтам. Таковы древности некоторых южных районов Смоленщины (Демидовское и Лахтеевское городища, Акатовские древности), таково, если судить по керамике, Колочинское городище и многие другие. И это обстоятельство является следствием не только неразработанности вопроса и малого числа фактических данных, а результатом того, что в то время в области Верхнего Поднепровья элементы культуры славян и балтов смешивались, шел процесс ассимиляции балтийского населения. Попытка нарисовать картину всех этих исторических процессов на основе новых археологических данных была сделана мной в 1966 г.⁶

Некоторые археологи пока что не разделяют моих взглядов по данному вопросу. Они считают, что в середине и третьей четверти I тысячелетия население Верхнего Поднепровья было этнически однородным. Но при этом, по мнению одних, это население было славянским. Л. Д. Поболь, например, считает славянскими даже такие древности, как верхний слой городища Банцеровщина⁷. По мнению других, это население являлось балтийским. Так думают, в частности, В. В. Седов и И. П. Русанова⁸.

К сожалению, высказав свою точку зрения на верхнеднепровские древности середины и третьей четверти I тысячелетия, я не обосновал ее как следует фактическим материалом, находящимся пока что в процессе исследования и остающимся неопубликованным. Изучая археологические памятники южной и восточной частей Верхнего Поднепровья и Подесенья — селища с характерными квадратными землянками и не менее характерными колоколовидными ямами-погребам, которым соответствуют могильники и курганы с трупосожжением, — я не нашел какой-либо разницы между этими древностями и, скажем, древностями третьей четверти I тысячелетия в Киевском Поднепровье, в низовьях Тясмина у Пеньковки или древностями этого времени в поречье Южного Буга. И керамика у них одинакова — с «примесью» реберчатых форм. Теперь, после полевых работ последних двух лет, стало очевидным, что и территориально мои древности и среднеднепровские славянские древности составляют одно целое; они входят в единый ареал. Древности эти известны теперь не только на Среднем Днепре и на Брянщине, как это было совсем недавно, но и на Новгород-Северщине, на Гомельщине, на Черниговщине, на Сейме, в верховьях Сулы и Псла.

Носители этой культуры — потомки зарубинецких племен — первоначально обитали к северу от черняховских границ, но после середины I ты-

⁶ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 220—230, 254—280.

⁷ Л. Д. Поболь. Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье. Сб. «Древности Белоруссии». Минск, 1966, стр. 211.

⁸ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Автореф. докт. дис., М., 1966, стр. 14, 15; И. П. Русанова. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии. Сб. «Древности Белоруссии», стр. 186—188.

сячелетия, когда черняховская оседлость рухнула, расселились по Днепру в южном направлении.

В связи с выявлением позднезарубинецких древностей, свидетельствующих о продвижении зарубинецких племен из Среднего Поднепровья в северо-восточном направлении, в нашей археологической литературе появилась, однако, и другая характеристика зарубинецких племен и попытка обрисовать их дальнейшую судьбу иными штрихами. Речь идет о работах В. В. Седова, который полагает, что зарубинецкие племена являлись не славянской, а западной балтийской группировкой, совершившей грандиозный поход от южных берегов Балтийского моря в междуречье Днестра и Среднего Днепра и далее на север в бассейн Верхней Оки. По его мнению, прямыми потомками зарубинецкого населения были не славянские племена поднепровской группы, а так называемые мощинские племена, жившие в середине I тысячелетия по Верхней Оке и ее притокам. Культура этих племен известна по материалам Мощинского и других городищ, а также курганов у деревень Шаньково, Почепок, Доброе и др., впервые исследованных в конце прошлого века Н. И. Бульчевым. В. В. Седов согласен с тем, что славянские племена третьей четверти I тысячелетия распадались в Среднем Поднепровье на две группы — поднепровскую (с реберчатой, биконической керамикой) и волынско-днестровскую (Корчак, Рипнев и мн. др.). Но он не согласен с мыслью, что верхнеднепровское население третьей четверти I тысячелетия, оставившее квадратные землянки и могильники с сожжением, — это те же самые славяне, что и обитатели Среднего Поднепровья с такой же точно материальной культурой, что общим далеким предком всех славян поднепровской группы — и северных и южных — были позднезарубинецкие племена⁹.

Мощинские племена, жившие в бассейне Верхней Оки, действительно были балтами, одной из их восточных группировок. Об этом свидетельствует состав их украшений, в частности вещи с эмалью, их домостроительство, их погребальная обрядность. Но никаких прямых генетических связей между зарубинецкими племенами и верхнеокскими балтами в археологических материалах не выявляется. Это были племена различные, хотя и оказавшиеся соседями.

Ошибка В. В. Седова проистекает из того, что он в своих заключениях опирался лишь на один элемент культуры — на керамику. Действительно, лощеная мощинская посуда очень похожа на позднезарубинецкую, более того, именно от нее она и ведет свое начало. В 50-е годы, во время археологических работ на Смоленщине, я и Е. А. Шмидт не раз обращали внимание на то, что верхнеднепровские балты, оказавшиеся соседями новых обитателей Верхнего Поднепровья — зарубинецких племен, заимствовали от них ряд элементов культуры, в частности некоторые формы керамники и искусство изготовлять сосуды с черной лощеной поверхностью. То же самое произошло и с верхнеокскими, мощинскими балтами.

Но большинство элементов культуры, такие важнейшие ее элементы, как поселение и жилище, погребальная обрядность и др., были у мощинских племен совсем иными, чем в зарубинецкой среде. В своей работе археологи должны руководствоваться не отдельными, вырванными из «контекста» признаками, а всей совокупностью признаков, характеризующих культуру.

Верхнеднепровские раннеславянские древности — позднезарубинецкие и последующие за ними — еще недостаточно хорошо известны. В большинстве случаев материалы не опубликованы; археологическая общественность знает о них из устных сообщений или кратких информаций в пе-

⁹ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 12, 13; его же. Рецензия на книгу П. Н. Третьякова «Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге», СА, 1967, 3, стр. 307—315; его же. Вивчення етногенезу слов'ян. «Народна творчість та етнографія», 1967, 4, стр. 41—47.

чати. В то же время вопрос о зарубинецкой культуре и ее отношении к славянскому населению Поднепровья является чрезвычайно важным. В настоящее время для археологов это один из центральных вопросов нашей древней истории, составляющий значительную часть проблемы происхождения славян. Имея все это в виду, я публикую здесь хронологическую таблицу поднепровских древностей (рис. 1), отражающую развитие культуры, начиная с зарубинецких времен и кончая третьей четвертью I тысячелетия, то развитие, которое началось в Среднем Поднепровье (1 ряд в таблице), продолжалось в верхнем Поднепровье (2 и 3 ряды), а в третьей четверти I тысячелетия, в послечерняховское время, охватило обе эти части Поднепровья (4 и 4а ряды).

Таблица представляет собой первый опыт классификации и сравнения данных древностей и является, конечно, далеко не совершенной. Во-первых, нужно отметить, что изображенные на ней материалы не отражают всех локальных особенностей культуры, которые были весьма существенными. Верхнеднепровские древности начала и середины I тысячелетия представлены на таблице в их левобережном, деснинском варианте. Во-вторых, на ней представлены далеко не все, а лишь опубликованные и некоторые другие хорошо известные мне материалы. В итоге дальнейших исследований эту таблицу, несомненно, можно будет значительно уточнить. Но мне представляется, что и в настоящем своем виде она вполне убедительна.

Нижний (1) ряд таблицы занимают зарубинецкие древности II—I вв. до н. э.— I в. н. э., происходящие из разных местностей — из Полесья, со Среднего Днепра и из Гомельского Поднепровья. Это, конечно, очень неполный набор форм изделий, не претендующий на бесспорность. Второй ряд снизу (2) отведен древностям позднезарубинецкой культуры I—II вв., известным в Левобережье Среднего и Верхнего Днепра. Здесь не получили отражения материалы II—IV вв., происходящие из раскопок Л. Д. Поболя на селище Обидня в могилевском Поднепровье, до сих пор неопубликованные. Однако известно, что жилищами у обитателей Обидни являлись прямоугольные землянки, что у них были в употреблении позднелатенские сильно профилированные фибулы и фибулы с подвязанной ножкой, биконические пряслица и посуда реберчатых очертаний. Их могильник не имел курганных насыпей; он содержал остатки трупосожжений. Материалы Обидни на нашей таблице должны были бы занять место во втором и отчасти в третьем ряду. Римская монета, найденная на Обидне, относится к началу III в., там найдены и другие свидетельства связей с югом: обломки краснолаковой керамики и римских бронзовых сосудов¹⁰.

В следующем (3) ряду на таблице помещены материалы деснинских поселений середины I тыс.— Жуковки, Белокаменки и Посудичей. Они очень невелики и неполны, не известны, в частности, могильники, соответствующие этим поселениям. Но место этих материалов в эволюционном ряду представляется бесспорным.

Если же следовать гипотезе В. В. Седова и в третьем ряду таблицы дать мощинскую культуру, то преемственность сразу же исчезнет. Мощинские городища ничем не напоминали позднезарубинецкие открытые селища. То же самое следует сказать о домостроительстве: оно было совсем иным, чем у зарубинецких племен. Выше указано, что лощеная мощинская керамика была единственным элементом культуры, отражающим зарубинецкие традиции. Облик других находок, происходящих с мощинских городищ, обнаруживает больше различий, чем сходства, с позднезарубинецкими материалами.

¹⁰ Л. Д. Поболь и А. Г. Мітрафан а ў. Проблема расселения славян на территории Беларуси ў I тыс. н. э. «Весты Акад. навук БССР», 1966, 2 (сер. грамад. навук), стр. 45—47.

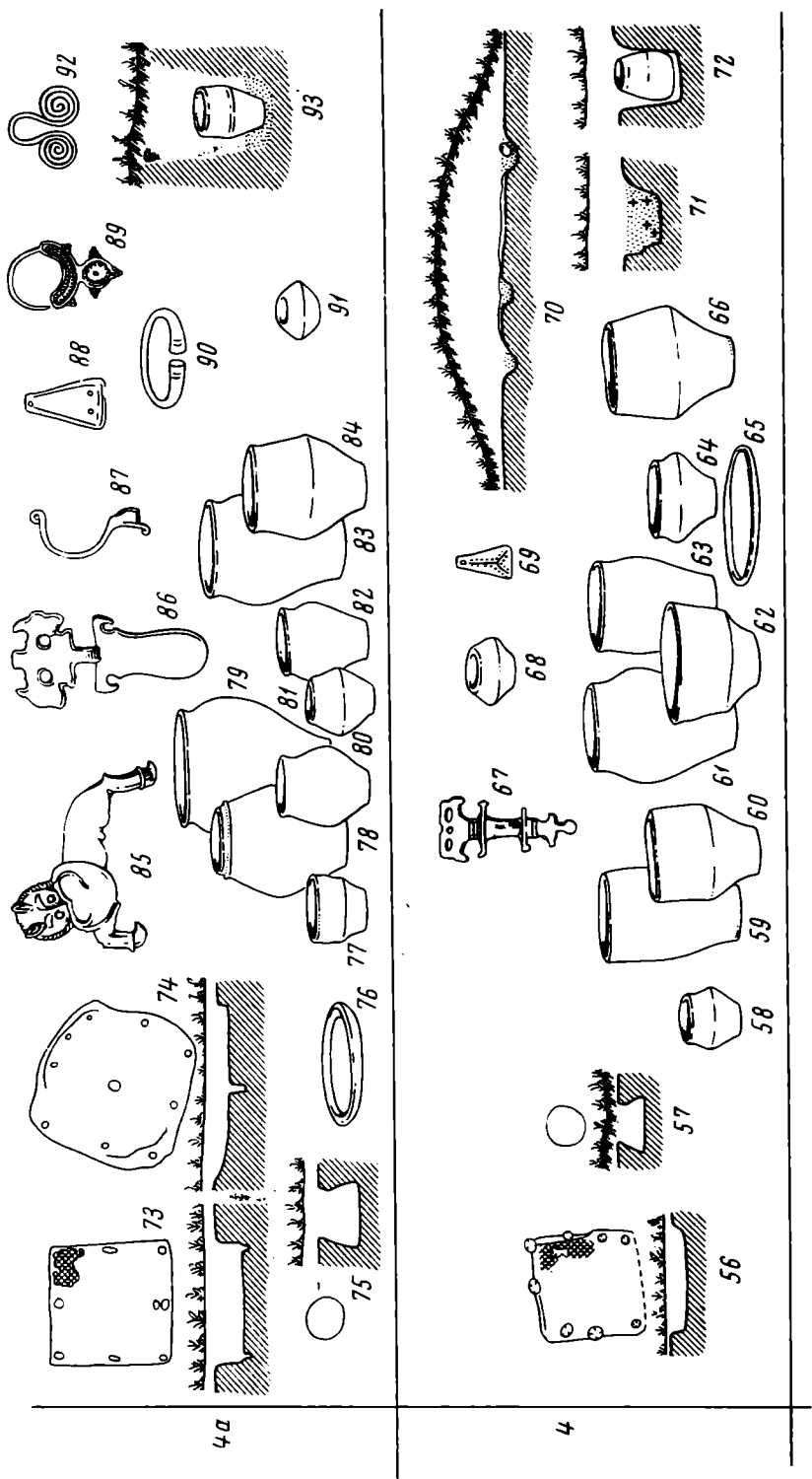
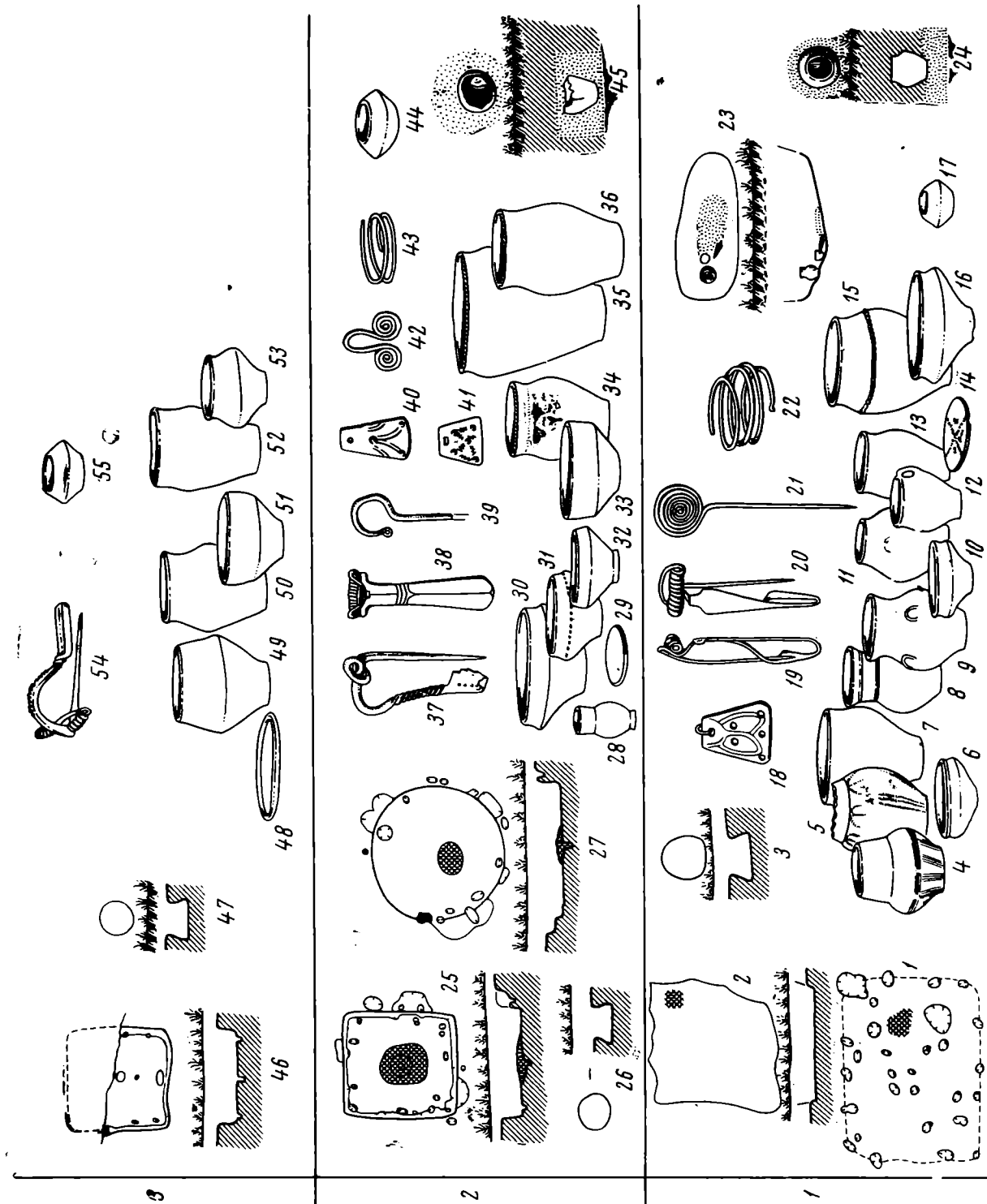

Рис. 1. Хронологическая таблица по-
днепровских древностей I тысячеле-
тия

Нижний ряд: зарубицкие древно-
сти II—I вв. до н. э. и I в. н. э., 1, 3,
19—16 — Чаплинское городище; 2, 12 —
сел. Великие Дмитровици; 4, 18, 20 —
мог. Велемичи; 5 — мог. Пуховка; 6, 7,
10 — Корчеватовский мог.; 8, 9 — мог.
Зарубицы; 11, 17, 22, 28 — Чаплинский
мог.; 19, 24 — мог. Ворокино; 21 — мог.
Отвержици. Второй ряд: позднеза-
рубицкие древности первой четверти I
тысячелетия, 25—28, 30—32, 34—37, 41,
43 — Почепское сел.; 29 — сел. Смяч;
33, 42, 44 — сел. Спартак; 38 — сел. Синь-
ково; 39 — мог. Козичина; 40 — селища

на р. Трубеж; 45 — мог. Разлеты и Смяч. Третий ряд: деснинские древности середины I тысячелетия, 46 — сел. Белокаменка; 47—53, 55 — сел. Посудичи; 54 — сел. Жуковка. Четвертый ряд: деснинские и верхнеднепровские древности третьей четверти I тысячелетия, 56, 57, 61—65, 68 — сел. Смольяны; 58, 67, 70, 71 — Кветунский мог.; 59, 60, 69 — Колочинское гор.; 66 — гор. Макча; 72 — Новобыховский мог. Четвертый ряд «а»: среднеднепровские и лобужские древности третьей четверти I тысячелетия, 73, 74, 77—80, 88, 91 — сел. Пеньковка — Луг I; 75, 81—84, 89 — сел. Семьки; 76, 87 — сел. Пеньковка — Луг II; 85 — остров Мылковский; 86 — сел. Пеньковка — Молочарня; 90 — сел. Больше Будки; 92 — Суджанский клад; 93 — Артюховский мог.

Следующий (4) ряд таблицы составляют материалы деснинских и некоторых верхнеднепровских поселений и могильников третьей четверти I тысячелетия. Это материалы из раскопок на селище VI—VII вв. у д. Смольянь, городище Макча, Цветуньском и Новобыховском могильниках и других синхронных им археологических памятниках. Последний верхний (4а) ряд посвящен материальной культуре этого же времени — третьей четверти I тысячелетия, характеризующей племена Среднего Поднепровья и Верхнего Побужья, которые, как указано выше, генетически были связаны с населением Верхнего Поднепровья. Можно думать, что именно этому среднеднепровскому населению принадлежали древности (клады и многочисленные отдельные находки), которые в 20-х годах были названы А. А. Спицыным «древностями антов», а позднее Б. А. Рыбаковым справедливо переименованы в «древности русов»¹¹. Но их богатый ассортимент не поместился бы на таблице. Хотелось обратить внимание лишь на одно украшение из числа «древностей русов», особенно характерное, как полагает Б. А. Рыбаков, для среднеднепровского Левобережья. Это двуспиральная (очковая) подвеска. Оказалось, что такие точно подвески были широко распространены в этой области еще в позднезарубинецкое время. Они найдены на позднезарубинецком селище у д. Спартак на Верхней Десне и на трех селищах в поречье р. Трубеж.

На таблице нельзя было показать характер поселений. Но их общей особенностью, свойственной всем этапам развития культуры, представленным на таблице, являлось расположение в низких местах у воды, нередко в пределах или у края поймы. Лишь ранние зарубинецкие поселения в Среднем Поднепровье размещались иначе — на высоких, труднодоступных местах, удобных для обороны. Но позднезарубинецкие поселения в Среднем Поднепровье располагались уже преимущественно на низких местах, у воды. Так были расположены поселения у Лютежа и Казаровичей в устье Ирпеня, у Гриней в устье Тетерева, все поселения на р. Трубеж. В раннем средневековье кроме поселений, расположенных на низких местах, возникали отдельные укрепления-городища, служившие убежищами или замчищами. Таково, например, городище Макча около Трубчевска, нижний (дороменский) слой которого относится к третьей четверти I тысячелетия.

Вполне убедительной является преимущество в развитии жилища. Уже в зарубинецкое время в Среднем Поднепровье и на Припяти наряду с наземными жилищами столбовой конструкции появились полуземлянки. Их остатки обнаружены в Великих Дмитровичах, Велемичах, Отвержичах и других пунктах. В позднезарубинецкое время квадратное в плане жилище-полуземлянка господствует как в Среднем (Лютеж, Казаровичи, Грини), так и в Верхнем Поднепровье (Почеп, Смяч, Хотылево и др.). По своим размерам (3,5 × 3,5; 4 × 4 м, глуб. 0,5—0,8 м) и общему облику эти жилища не отличаются от хорошо известных средневековых славянских жилищ. К сожалению, землянки, открытые на деснинских поселениях Жуковке и Белокаменке, были сильно разрушены, но их форма была такой же, как у более древних — позднезарубинецких и более поздних — третьей четверти I тысячелетия. Особенностью большинства позднезарубинецких полуземлянок было то, что очаг располагался у них в средней части. Но имеется ряд позднезарубинецких жилищ с очагом в правом заднем углу. В последующее же время место очага прочно закрепляется за этим углом. На деснинском поселении Смольянь, относящемся к третьей четверти I тысячелетия, из четырех исследованных жилищ лишь у одного очаг располагался в центре жилища, у остальных же в углу. Как и в более раннее время, это были открытые очаги или примитивные печки-каменки. Хорошие глинобитные печи, обычные для средневековых славянских жилищ, появились лишь в последние века I тысячелетия. Следует здесь еще

¹¹ Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953.

указать, что у соседей славянского населения — верхнеднепровских балтов, живших нередко чересполосно со славянами, жилищ-землянок такого типа не было. Балты сооружали наземные постройки столбовой конструкции. Есть все основания думать, что остатки больших столбовых построек, открытые А. К. Амброзом на Синьковском селище, относятся не к основному позднезарубинецкому слою этого памятника, а принадлежат юхновскому селищу, возможно, непосредственно предшествующему появлению здесь позднезарубинецкого населения.

Рядом с жилищами на наших поселениях всех четырех этапов сооружались многочисленные ямы-погребя колоколовидной формы, облик и размеры которых существенно не изменялись в течение всего тысячелетия, охваченного таблицей. У верхнеднепровских балтов такие погребя, как правило, не встречались.

В центральной части Почепского позднезарубинецкого селища среди остатков жилых и хозяйственных построек Ф. М. Заверняевым было открыто основание углубленного в землю круглого сооружения со следами большего столба в центре. Второе такое сооружение было обнаружено во время раскопок в Белокаменке около Брянска. Оно синхронно почепскому или является несколько более поздним¹². Ближайшей аналогией этим сооружениям являются, возможно, углубленные в землю круглые постройки, открытые на поселениях третьей четверти I тысячелетия на Тясмине у Пеньковки и Степовки. Все эти сооружения — древние и раннесредневековые — представляли собой, по-видимому, языческие святилища, отдаленно напоминающие святилища верхнеднепровских балтов. В круглом сооружении Почепского селища была найдена необычная вещь — початка из голубой египетской пасты, изображающая фигурку льва.

Имеется, правда, и другое толкование круглых сооружений, открытых на тясминских поселениях. Некоторые археологи полагают, что это остатки юрт, с которыми связывается находимая среди материалов тясминских поселений керамика салтово-маяцкого типа. Но разве были где-либо юрты, значительно углубленные в землю?

Очень долго сохранялись в Поднепровье традиции зарубинецкого гончарства, не знавшего гончарного круга. Вплоть до третьей четверти I тысячелетия посуда разделялась на грубую кухонную и столовую (миски, кружки), более тщательно сделанную и нередко вылощенную, хотя качество столовой посуды и ее лощения в позднее время все более и более падало. Формы позднезарубинецких реберчатых мисок с цилиндрической верхней частью переживали как в середине, так и в третьей четверти I тысячелетия. Их разновидностью являлись высокие реберчатые сосуды, нередко, особенно в Среднем Поднепровье, приобретающие биконические профили. Миски острореберных очертаний, характерные главным образом для позднего этапа зарубинецкой культуры, также исчезли в Поднепровье далеко не сразу. Очень интересна эволюция зарубинецких глиняных дисков. В середине I тысячелетия у них появились чуть заметные бортики, которые со временем становились все выше и выше, пока глиняная посуда этой формы не приобрела облик «сковородок», обычных для славянских раннесредневековых поселений. В инвентаре поселений верхнеднепровских балтов, которые, как указано выше, заимствовали у зарубинецких племен некоторые формы сосудов и искусство их лощения, диски и сковородки никогда не встречаются. Посуда баночной формы, нередко имеющаяся на деснинских и днепровских славянских поселениях середины и третьей четверти I тысячелетия, восходит, по-видимому, к местным восточнобалтийским традициям. К концу третьей четверти I тысячелетия реберчатые, биконические формы посуды постепенно вымерли. Господствующее

¹² Белокаменка — поселение многослойное. Во время раскопок, произведенных А. К. Амброзом, там были открыты остатки построек трех периодов: позднезарубинецкого, середины I тысячелетия и начала II тысячелетия.

место среди керамики заняли высокие горшки, по форме обычные для славянского средневековья.

На таблице представлены и другие категории вещей, также свидетельствующие о преемственном развитии культуры. Таковы биконические пряслица, одинаковые на всех четырех этапах. Таковы трапециевидные бронзовые подвески, имевшие в древности специфическую орнаментацию. О двуспиральных (очковидных) бронзовых подвесках уже говорилось выше. Для всех четырех этапов были характерны фибулы, формы которых, естественно, изменялись со временем. Все эти предметы, как известно, были в ходу не только у поднепровских славян, они не были такой специфической чертой культуры, как жилище или формы керамики. Но о преемственности в развитии культуры они несомненно говорят.

Наконец, для всех четырех этапов в развитии культуры был характерен традиционный обряд трупосожжения умерших с последующим захоронением результатов кремации на «погребальном поле». В третьей четверти I тысячелетия в некоторых областях Поднепровья стал распространяться обычай насыпать курганы, внутри которых нередко сооружались деревянные камеры, куда помещали остатки сожжений. Возможно, что этот обряд зародился у славян не без участия погребальной обрядности их соседей балтов.

Таким образом, преемственность зарубинецких и раннесредневековых славянских племен в Поднепровье прослеживается по целому ряду существенных элементов материальной и духовной культуры. Задачей дальнейших исследований является углубленное критическое рассмотрение и проверка представленной на таблице этногенической гипотезы, касающейся важнейших вопросов далекого прошлого поднепровского славянства.

Представленную здесь таблицу можно было бы продолжить, добавив к ней сверху еще один ряд, представляющий днепровские древности VIII—IX вв., непосредственно предшествующие древнерусским. Это будут материалы более поздней группы поселений, исследованных на Тясмине у Пеньковки и Стецовки, находки из Андрусовского могильника, материалы Каневского поселения и др. Нужно лишь иметь в виду, что древнерусская культура в Правобережье формировалась на основе культуры не только поднепровских и побужских поселений, но и поселений «культуры Корчак», ранние этапы истории которой (до третьей четверти I тысячелетия) пока что далеко не ясны.

В области Левобережья в VIII—IX вв. распространилась роменская культура, сигнализирующая, по моему мнению, о появлении здесь новых славянских группировок, что несколько нарушило эволюцию в области культуры. Непосредственными потомками населения третьей четверти I тысячелетия в области Левобережья были, кажется, лишь те группировки, культуру которых украинские археологи называют волынцовой. Для нее характерны могильники типа «полей погребений», тогда как собственно роменцы практиковали погребения в курганах. Но это уже особая тема, к которой я предполагаю обратиться в другой статье.